

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

А. Ф. Мартынов

Последние годы своей жизни Н. Г. Чернышевский провел в Астрахани (с 27 октября 1883 г. по 24 июня 1889 г.) и Саратове (с 27 июня по 17 октября 1889 г.). В расцвете сил и таланта Н. Г. Чернышевский был сослан в 1864 г. царским правительством в Сибирь на каторгу, откуда вернулся лишь через девятнадцать с лишним лет пятидесятипятилетним измученным, больным человеком. Но тяжелые условия жизни в заключении не сломили революционной воли Чернышевского. Его письма сибирского и астраханского периодов жизни навсегда останутся в мировой литературе как памятник смелой, передовой мысли и непреклонности убеждений. Несмотря на суровые жизненные испытания, он остался стойким борцом против царизма.

Имя Чернышевского было очень популярно среди молодежи, которая тянулась к идеалам своего учителя. Во время любого общественного и революционного выступления оно выдвигалось в те годы как знамя, зовущее к борьбе за новую Россию. 30 марта 1876 г., во время траурной демонстрации на Волковом кладбище у могилы своего товарища П. Ф. Чернышева, погибшего от зверств палачей, студент Медико-хирургической академии П. П. Викторов взволнованно заявил: «В России началось большое движение. Может быть, это то движение, за которое еще и по сие время страдает в Сибири наш общий и всем известный учитель»¹. Присутствие полицейских помешало оратору назвать имя этого учителя. Но все понимали, о ком шла речь. 6 декабря того же года на демонстрации рабочих и студентов у Казанского собора Г. В. Плеханов напомнил русскому народу дорогое им имя. «Товарищи! — сказал он. — Мы празднуем сегодня день имени нашего великого учителя Чернышевского. Русскому народу давно уже пора знать это дорогое имя. Чернышевский был писатель, который едва ли не первый... упрекнул царя-освободителя в обмане. За эту святую истину одного из величайших экономистов нашего времени сослали на каторгу».

Идейные воззрения Чернышевского привлекали пристальное внимание передовых кругов российской молодежи. Тысячи студентов Московского, Петербургского, Новороссийского, Харьковского университетов и других учебных заведений публично заявили, что «те мысли и те убеждения, за которые невинно пострадали Чернышевский и др., — их мысли и их убеждения»². Никакие меры царского правительства, начиная от предупредительных и кончая карательными, не могли остановить рост популярности Чернышевского среди русского народа, предотвратить влияние его идей и трудов на передовых людей России. В «Обзоре нелегальной печати» за 1860—1880 гг., составленном III отделением, отмечалось, что «Добролюбов, Чернышевский, Писарев и их единомышленники приобретают громадный авторитет в среде учащихся по преимуществу»³.

В 70—80-е годы имя Чернышевского приобрело широкую известность в странах Западной Европы. Русские эмигранты и западноевропейские социал-демократы издавали и распространяли за границей его произведения, в прогрессивных журналах и газетах о нем помещались статьи и корреспонденции. В немецкой социал-демократической печати был поднят вопрос об освобождении Чернышевского. Автор статьи «Милосердный царь» («Der milder Czar») в газете «Der Volksstaat» 9 июля 1875 г. писал: «Отчего бы... царю не озарить, наконец, лучом милосердия участь многостра-

¹ «Литературное наследство». Т. 67. М. 1959. стр. 175.

² ЦГАОР СССР. ф. 109, оп. 1. д. 1560, лл. 7, 5, 6.

³ Там же, д. 2226, лл. 1—6.

дального Николая Чернышевского, которого тщательно обходят при всех амнистиях?»⁴.

В начале 1881 г. вопрос об облегчении участи Чернышевского был поднят в легальной печати России. В передовой статье газеты «Страна» было опубликовано обращение к царю с просьбой «простить Чернышевского». После убийства Александра II Исполнительный комитет «Народной воли» потребовал от нового правительства освободить Чернышевского. Таким образом, вопрос о возвращении Чернышевского из Сибири был поднят общественностью, и с этим не могло не считаться самодержавие. Но, чтобы придать освобождению революционного демократа вид монаршей милости, министр внутренних дел Лорис-Меликов предложил подать прошение на «высочайшее имя» и обещал оказать содействие.

Заручившись прошением сыновей Чернышевского, 27 мая 1883 г. царь издал «предварительное соизволение по перемещению Чернышевского под надзор полиции в Астрахань с тем, чтобы по пути следования его не делалось ему каких-либо омований»⁵. 6 июля последовал сенатский указ, по которому разрешалось «государственному преступнику Николаю Чернышевскому перемещение на жительство под надзор полиции в Астрахань»⁶. Вслед за этим полетели одна за другой из департамента полиции шифрованные телеграммы, секретные предписания и инструкции губернаторам, полицеймейстерам и начальникам губернских жандармских управлений тех губерний, через которые должен был следовать Н. Г. Чернышевский. В них повторялось повеление монарха: «принять всевозможные меры к недопущению огласки проезда Чернышевского, не допустить беспорядков или оваций сочувствия Чернышевскому»⁷.

Иркутский губернатор, получив распоряжение министра внутренних дел с подробной инструкцией о «немедленном доставлении Чернышевского из Вилюйска в Астрахань»⁸, послал за Чернышевским самых надежных жандармов — Мошкова и Шигорина. В Вилюйске они не сообщили Чернышевскому о сенатском указе, а только сказали, что им приказано доставить его в Иркутск. Это известие Чернышевский принял с радостью. Выехали ночью. Путь был утомительным и длинным. Из Вилюйска в Якутск проезжей дороги не было, и Чернышевскому предложили ехать верхом. Но он, будучи больным, отказался. Везли его сначала на дровнях, запряженных лошадьми, потом один перегон в собачьей упряжке, а затем на лодке до самого Якутска.

В Якутске жандармы доставили Чернышевского прямо к губернатору Черняеву, который в свое время причинил Николаю Гавриловичу много неприятностей. На этот раз он принял Чернышевского с «любезностью» и угостил его завтраком. Однако просьбу Чернышевского разрешить ему остаться в городе для отдыха и покупок не удовлетворил, отдал распоряжение везти его без ночевки дальше, тщательно скрывая имя и не прописывая на станциях. Чернышевский, приняв вначале гостеприимство губернатора как любезность, теперь убедился в его истинном значении. Садясь в повозку, он с иронией сказал жандармам: «Надо бы хоть к губернатору-то вернуться. Рубль, что ли, ему за завтрак отдать»⁹.

Трудная дорога на Иркутск казалась бесконечной. Остановки были коротки. Но Николай Гаврилович теперь и не думал о продолжительном отдыхе и торопил своих спутников, словно боялся, как бы они не раздумали и не задержали его в каком-нибудь пункте, подобном Вилюйску. Путь на лодке по Лене до станции Жигаловой был опасным и медленным, так как лодку тянули против течения бечевой. Дальше Чернышевского везли по почтовому тракту.

28 сентября в 3 часа ночи приехали в Иркутск и доставили Чернышевского в жандармское управление. Утром к нему зашел начальник управления полковник Келлер. Николай Гаврилович сидел с опущенной головой, облокотясь на стол. Вид у него был очень усталый и задумчивый. Он не знал своей дальнейшей судьбы, и эта неиз-

⁴ «Литературное наследство». Т. 67, стр. 173.

⁵ ЦГАОР СССР, ДП, д-во 5, ф. 102, д. 3892, л. 1.

⁶ Там же, л. 9.

⁷ Государственный архив Астраханской области (далее — ГААО), Канцелярия губернатора, 1883—1889, д. 5/116, л. 3.

⁸ ЦГАОР СССР, ДП, д-во 5, ф. 102, д. 3892, л. 15.

⁹ Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М. 1953, стр. 510.

вестность, видимо, мучила его. Поздоровавшись с жандармами, Келлер обратился к Николаю Гавриловичу: «Здравствуйте, Николай Гаврилович!» Чернышевский поднял голову, слегка кивнул и принял прежнее положение. «Поздравляю Вас, Николай Гаврилович»,— продолжал Келлер. Слова эти произвели на Чернышевского магическое впечатление; он быстро встал, подошел к Келлеру и, протянув обе руки, сказал: «Полковник, не ослышался ли я? Вы, кажется, поздравили меня?..» «Вам назначен для постоянного жительства один из городов Европейской России»,— последовал ответ. Волнение Николая Гавриловича было так велико, что он, обессиленный, опустился на скамью... Сколько горя и страданий перенес он за эти долгие, страшные годы! Пережив волнение, Чернышевский спросил: «А могу я узнать, какой город назначен мне?» «Я, собственно, не имею права сказать»,— отвечал Келлер,— но на честное слово, что это останется между нами, сообщаю Вам— Астрахань».

Отправляясь к генерал-губернатору с докладом, Келлер спросил Чернышевского, нет ли у него какой-либо просьбы. «Имею,— ответил Николай Гаврилович.— Я прошу выдать мне на руки 25 рублей и снабдить меня проходным тарантасом». На вопрос Келлера, зачем ему нужно то и другое, Николай Гаврилович отвечал: «Деньги, чтобы давать ямщикам на чай, скорее будут везти, проходной тарантас необходим, чтобы не перекладываться на каждой станции, не выходить без надобности. Это избавит меня от любопытных глаз»¹⁰. Чернышевский замолчал. Опустился на скамейку. Задумался. Но тут же быстро встал и попросил разрешить ему свидание с семейством в Саратове. Келлер доложил губернатору о просьбе Чернышевского и ввиду ее основательности просил удовлетворить. Губернатор изъявил свое согласие на обеспечение Николая Гавриловича тарантасом и деньгами. В 10 час. вечера Чернышевский в сопровождении тех же жандармов двинулся в путь по Большому Сибирскому тракту.

Жандармы получили от губернатора специальную инструкцию: «доставить Чернышевского к месту назначения возможно секретно». Им было строжайше приказано: нигде не останавливаться во время пути без крайней надобности, явиться с Чернышевским в Астрахань и сдать «названного преступника под расписку лица или учреждения», которое будет указано губернатором¹¹. После отъезда Чернышевского полковник Келлер отправил шифрованную телеграмму в департамент полиции, в которой была изложена просьба Николая Гавриловича разрешить ему свидание с семейством в Саратове в жандармском управлении.

До Оренбурга Чернышевского везли быстро, «не предупреждая попутных начальств во избежание огласки»¹². От Оренбурга до Сызрани его отправили поездом, а оттуда по почтовому тракту с таким расчетом, чтобы он прибыл в Саратов после пяти часов вечера¹³. Вечером 22 октября в дом Пыпиных явилась горничная саратовского жандармского полковника и передала жене Николая Гавриловича Ольге Сократовне записку. Ольга Сократовна в страшном волнении начала одеваться, шепнув В. Н. Пыпиной: «Приехал, молчите». Свидание продолжалось два часа. Этой же ночью Чернышевского повезли по почтовому тракту в Астрахань. А астраханские чиновники уже усердно и тщательно разрабатывали систему полицейского надзора за ним. Для самодержавного правительства Чернышевский был опасным человеком. Поэтому, не выпуская «помилowanego» из-под секретного надзора, оно не считалось ни с какими расходами. Показателен следующий факт. Астраханский губернатор получал от департамента полиции на сыскную часть кредит в размере 100 руб. в год, несмотря на то, что поднадзорных имелось около ста человек. С переводом же в Астрахань Чернышевского кредит был увеличен до 1 600 руб. в год, из которых «1 500 рублей определены на содержание трех полицейских агентов для наблюдения за Чернышевским»¹⁴.

Отпуская такую огромную сумму, директор департамента просил начальника Астраханского губернского жандармского управления (ГЖУ) «ввиду особой важности самой личности Чернышевского, его популярности среди злоумышленников, которыми неоднократно делались попытки к его освобождению, а также возможности появления

¹⁰ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. Вып. 2. СПб. 1908, стр. 205—211.

¹¹ ГААО, Канцелярия губернатора, 1883—1889, д. 5/116, лл. 24—25.

¹² ЦГАОР СССР, ДП, д-во 5, ф. 102, д. 3892, л. 15.

¹³ Там же, л. 36.

¹⁴ ГААО, Канцелярия губернатора, 1878—1885, д. 4/140, л. 264.

в г. Астрахани, по приезде Чернышевского, лиц политически неблагонадежных..., принять меры к установлению самого бдительного негласного наблюдения за всеми сношениями и вообще образом жизни Чернышевского»¹⁵. В конечном итоге было решено приставить к Чернышевскому для негласного наблюдения трех агентов: одного из них поместить, если не в одном доме с Чернышевским, то по соседству; двух других — вне дома, чтобы предупредить его возможные попытки к побегу и наблюдать за разными лицами, прибывавшими в Астрахань для встречи с Чернышевским. Кроме того, им предписывалось посещать гостиницы и другие места и следить за лицами, выражающими сочувствие Чернышевскому и желающими с ним познакомиться. Первый агент имел связь с двумя другими и докладывал ежедневно о результатах наблюдения начальнику ГЖУ и полицеймейстеру¹⁶.

27 октября в 10 час. утра жандармские офицеры доставили Чернышевского в Астрахань. Местный полицеймейстер поместил Чернышевского временно в гостиницу Смирнова, а полицейский надзор за ним впредь до распоряжения губернатора поручил приставу первого участка Иконицкому и агенту Баканову. Николай Гаврилович, несмотря на большую усталость, не стал отдыхать, а отправился на пароходную пристань встречать Ольгу Сократовну. Филеры зорко следили за каждым его шагом, но Чернышевский об этом не знал. Под вечер на Волге показался небольшой пассажирский пароход, с которым приехала из Саратова Ольга Сократовна. С большой радостью и волнением встретил ее Николай Гаврилович...

В Петербург полетело первое донесение начальника Астраханского ГЖУ о том, что при приезде Чернышевского, а также при встрече им жены на пароходной пристани ничего любопытного не произошло: все совершилось тихо, обычным порядком. Теперь о всех его поступках и встречах донесения поступали в департамент полиции. Там они подшивались в специальное дело «Об установлении наблюдений за государственным преступником Чернышевским»¹⁷. Каких только не было там сообщений! Имелись доносы о том, что Чернышевский отправил в редакцию «Вестника Европы» для передачи А. Н. Пыпину сделанные им и его сыном переводы, что на имя Чернышевского получено письмо от редактора журнала «Век» М. А. Филиппова, в котором он приветствует Чернышевского с возвращением в Россию и обещает выслать ему издаваемый им журнал, что к «государственному преступнику» Николаю Чернышевскому 1 ноября 1883 г. приехали сыновья Александр и Михаил. Были сообщения не только о том, что Чернышевский печал, но и о том, что он намеревается делать. Например, 3 ноября начальник ГЖУ сообщил, что Чернышевский хотел послать телеграмму редактору журнала «Вестник Европы» Стасюлевичу с просьбой открыть ему в астраханском отделении государственного банка кредит в 1 000 рублей, так как очень нуждается в деньгах, а рассчитывается со Стасюлевичем после, литературным трудом. 29 марта 1884 г. он же сообщал, что Чернышевский намерен сегодня же послать письмо к Пыпину с просьбой отправить в редакции наиболее распространенных газет известие: «Мы слышали, что Н. Г. Чернышевский готовится к изданию собрание своих сочинений».

В докладах филеров начальнику ГЖУ сообщалось об образе жизни Чернышевского и его семьи, об их знакомствах и встречах. «В 11 часов ночи 8 января у Чернышевского был доктор Николай Михайлович Никольский и сидел более часу. Жена Чернышевского просила хозяина, чтобы он провел звонок в квартиру, так как к ним будет ездить доктор, лечить их. 10 января звонок привешен». 25 февраля 1884 г. агент сообщал: «19 февраля Чернышевский заходил в два питейных заведения... 24 же февраля он был на Малых Исадах в гостинице Стрельцова, обошел помещение, подошел к буфетчику, стал говорить, что здесь публика довольно чистая, разговор довольно тихий, и всегда ли бывает так тихо, на что получил положительный ответ, потом два раза обошел помещение и спросил: «А ночью тоже бывает тихо?» — на что буфетчик сказал, что ночью не торгует, и что-то пробормотал про себя»¹⁸.

Наблюдали не только за Чернышевским, но и за Ольгой Сократовной и их сыновьями. Например, 11 ноября 1883 г. начальник Астраханского ГЖУ доносил директо-

¹⁵ Там же. Канцелярия губернатора, 1883—1889, д. 5/116, лл. 7—8.

¹⁶ Там же, лл. 41—43.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, д-во 3, д. 904, 1883.

¹⁸ «Голос минувшего», 1917, № 7—8, стр. 193—197.

ру департамента: «Жена Чернышевского получила письмо с деньгами 100 рублей из С.-Петербурга от А. Н. Пыпина (Васильевский остров, 1-я линия, д. № 6)»¹⁹. Посетителей семьи Чернышевского брали под контроль и проверку на степень «политической благонадежности»²⁰. С. А. Сукиасова в своих воспоминаниях писала: «Все, имеющие общение с Чернышевскими, были переписаны в участке»²¹. Проверке был подвергнут А. В. Захарьин, старый знакомый Чернышевского, посетивший его в сентябре 1884 года. Особое подозрение жандармов вызвало наличие у Захарьина заграничного паспорта. Директор департамента полиции потребовал справку о Захарьине для доклада министру. Захарьина сфотографировали и обязали дать объяснение о своем визите. В докладной записке Захарьин писал, что Чернышевский в Астрахани пребывает «поистине, в безвыходном положении», испытывает тяжелое материальное положение, находится в крайне угнетенном состоянии, так как не может работать и содержать семью. Его сыновья — Александр, окончивший университет по математическому факультету, и Михаил, еще не кончивший университет, — также встречают затруднения при устройстве на работу. «Поэтому, — писал Захарьин, — я решаюсь беспокоить ваше превосходительство просьбой войти в крайне стеснительное положение, можно сказать, безвыходное положение Чернышевского и его семейства и разрешить ему занятие литературным трудом, единственным для него возможным»²². Дважды полицейские агенты обыскивали квартиру Н. Г. Чернышевского. В создавшихся условиях революционный демократ вынужден был, с одной стороны, вести замкнутый образ жизни, а с другой — совершенствовать методы и приемы конспирации, искать новые формы выражения своих мыслей и идей.

Нельзя согласиться с теми современниками Чернышевского и исследователями его жизни, которые утверждали, что причиной изолированности Николая Гавриловича от общества была его семья. «Чтобы познакомиться с Николаем Гавриловичем и быть принятым в его доме, — писал учитель Скориков, — необходимо перенести сначала «испытания» самой Ольги Сократовны»²³. Н. Е. Кудрин пустил в ход формулу о «двойном карантине» великого мыслителя, устроенном, по его мнению, «властями и окружающими его людьми»²⁴. Ю. М. Стеклов пошел еще дальше, свалив всю вину за изоляцию Чернышевского на семью. «Семья сочла почему-то нужным, — писал он, — окружить его строжайшим карантинном и не допускать к нему никого без разрешения жены. Таким образом, близким основательнейшим образом отрезали Чернышевского от молодых сил»²⁵.

Действительно, Чернышевский в Астрахани оказался в «двойном карантине». Один был устроен царским правительством, второй — не семьей, а либерально-народническими издателями и журналистами. Что касается семьи, то она сама очень тяжело переживала вынужденную изоляцию. Сын Николая Гавриловича Михаил писал в своих воспоминаниях: «Гораздо тяжелее переживалась вынужденная замкнутость образа жизни», которую вели первое время Чернышевские. «Живем чисто в ссылке. Ни мы ни у кого не бываем, ни у нас никто», — жаловалась Ольга Сократовна²⁶.

Ольга Сократовна оберегала Чернышевского от случайных посетителей. Людей же полезных ему и единомышленников всегда принимала радушно. Она прекрасно видела, как тяжело Чернышевскому в изоляции от литературного мира, от общественной и революционной среды, как у него иногда прорывалось возмущение «горьким одиночеством ума и сердца». В одном из писем А. Н. Пыпину Чернышевский писал: «Иное дело было бы, если б я жил в литературном кругу; я разделял бы чувства честных литераторов; но я житель того самого острова, на котором благодушествовал некогда Робинзон Крузо с своим другом Пятницею. Я не лишен нежных приятностей

¹⁹ ЦГАОР СССР, ДП, д-во 3, ф. 102, 1883, д. 904, л. 15.

²⁰ ГААО, журнал входящих и исходящих бумаг по части наблюдательной Астраханского ГЖУ, 1885, № 15, стр. 3.

²¹ «Литературное наследство», 1959, № 67, стр. 158.

²² ЦГАОР, ДП, д-во 3, ф. 102, 1883, д. 904, лл. 35—36.

²³ «Исторический вестник», 1905, № 5, стр. 478.

²⁴ «Русское богатство», 1905, № 3, стр. 167—168.

²⁵ Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828 — 1889). СПб. 1909, стр. 420.

²⁶ «Красная новь», 1928, стр. 177.

дружбы; но все здешние друзья мои — Пятницы; благодаря тому, мое душевное спокойствие не возмущается никакими литературными пошлостями ли, делами ли хуже пошлостей; мы толкуем о том, хорош ли улов рыбы, выгодны ли для рыбопромышленников цены на нее, сколько привезено хлопка и фруктов из Персии; уплатит ли по своим векселям Сурабеков или Усеинов (т. е. Гусенинов), — какое ж нам дело до пошлостей Суворина или хотя бы тех трактирщиков, половыми у которых служат Суворин и компания?»²⁷ Об обывательской среде провинциальной Астрахани Чернышевский с полным основанием мог повторить то же, что писал в 1873 г. из Сибири о некоторых своих вилюйских знакомых: «Люди, живущие здесь, вообще хорошие люди... Но круг их интересов совершенно чужд мне; и я полагаю, что мои разговоры скучны для них. Поэтому, — и только поэтому, — я довольно мало выдаюсь с кем-нибудь; только по какой-нибудь надобности»²⁸.

Правительство Александра III изолировало Чернышевского от революционного движения России, от общения с революционной молодежью. Однако паризм был бессилем ликвидировать огромное воздействие его революционно-демократических идей на общественное мнение, развитие науки, культуры и искусства России. Департамент полиции располагал сотнями фактов, подтверждавших влияние идей Чернышевского на передовых людей России, на разночинную интеллигенцию, 13 января 1884 г. в Астрахань на имя Чернышевского поступила поздравительная телеграмма: «Пьем здоровье лучшего друга студентов. Московские студенты»²⁹. Начальник Астраханского ГЖУ немедленно телеграфировал об этом в департамент полиции. Директор последнего запросил московского обер-полицеймейстера: «Кому принадлежит мысль о посылке телеграммы Чернышевскому в Астрахань?»³⁰.

В начале 1885 г. департамент полиции обнаружил у некоторых политически обвиняемых лиц фотографические карточки Н. Г. Чернышевского. Изучение фотографий убедило полицейских чиновников, что эти карточки были копии с карточки Николая Гавриловича, снятой жандармами в Астрахани. Вся полицейская система пришла в движение. Но кто отправил Чернышевскому поздравительную телеграмму из Москвы и кто изготовил копию фотографии Чернышевского, сделанной жандармами для своей надобности, установить не удалось. Только одно было бесспорно: Чернышевский не забыт народом и пользуется огромной популярностью прогрессивно настроенных слоев.

Чернышевский приехал в Астрахань с большими творческими замыслами, с неимоверной жаждой к работе. Уже на второй день по приезде, в первом своем письме из Астрахани он просил Пыпина прислать ему справочные книги, так как он будет «с утра до ночи работать, т. е. писать»³¹. Николай Гаврилович спешил исполнить свои заветные мечты: составить «Энциклопедию знания и жизни», «Историю цивилизации», создать курс всеобщей истории, наконец, выпустить энциклопедический словарь. Все было обдумано в долгие годы тюремного заключения, каторги и ссылки. Поэтому он заверял Пыпина, что работа пойдет быстро: оставалось лишь сесть за работу и продолжить то дело, от которого он был оторван в трудные годы ссылки. Но вот разрешена ли ему литературная деятельность?

Еще в Сибири Чернышевский надеялся, что немедленно после окончания срока каторги он получит право продолжать свою литературную деятельность. Однако прошло пять месяцев после его приезда в Астрахань, а он все еще не получал ответа на волнующий его вопрос. Возникали новые большие замыслы: подготовить к печати собрание своих сочинений; издать сборник всех хороших повестей и романов писателей, которые не могли надеяться на распродажу своих произведений отдельными изданиями или писали очень мало; подготовить новое издание политической экономии Милля, переделав ее текст «по своим понятиям о вещах, делая построчно оговорки о том, в чем разница между оригиналом и моею переделкою»; писать ученые статьи, какие нужны для журналов. «Дело готов иметь со всяким честным человеком, издающим честный журнал или честные книги»³².

²⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XV, стр. 730.

²⁸ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XIV, стр. 533.

²⁹ ЦГАОР СССР, ДП, д-во 3, ф. 102, 1883—1887, д. 904, лл. 18—20.

³⁰ Там же.

³¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XV, стр. 405.

³² Там же, стр. 440.

Прежде всего Н. Г. Чернышевский попытался напечатать в наиболее распространенных газетах объявления об издании собрания своих сочинений³³. Но это извещение попало не в газеты, а в департамент полиции. Правительство Александра III стремилось вытравить из общественного сознания идеи и имя революционного демократа. 3 января 1884 г. царь распорядился изъять из библиотек и читален все произведения Чернышевского. Только в конце 1884 г. Николаю Гавриловичу разрешили наконец заниматься литературной деятельностью. Однако при этом он обязан был все свои работы представлять на просмотр предварительной цензуры. Кроме того, как писал Чернышевскому Захарьин, «главным условием поставлено, чтобы появление Ваших статей не было встречено какими-нибудь неразумными писателями излишней болтовней или овациями, и чтобы псевдоним не был разоблачен»³⁴.

Человек с мировым именем, труды которого составляли честь России, вынужден был заниматься переводами книг и статей (например, «О бассейне реки Конго», «К столетию газеты «Таймс»), содержание которых не приносило ему ни малейшего морального удовлетворения. «Переводить книги — такому ли человеку, как я, тратить время на эту грошовую работу», — с горечью писал Чернышевский своему сыну Михаилу³⁵. В борьбе за повседневное существование Чернышевскому приходилось рассчитывать каждую копейку. Великий ученый, доведенный царизмом до преждевременной старости и хронического нервного расстройства, даже в необходимых случаях не имел возможности пользоваться извозчиком и ходил пешком, несмотря на недомогание и грязь.

В первый год астраханской ссылки Чернышевский перевел работы Э. Шрадера, В. Карпентера, Г. Спенсера. Он не только переводил, но и писал к переводимым книгам свои заметки, предисловия, послесловия. Например, последний раздел книги Карпентера «Энергия в природе», в котором автор излагал антропоморфистскую философию, Чернышевский заменил своими заметками, в которых изложил материалистический взгляд на мир. На первых страницах этих заметок Чернышевский приводит серьезные возражения автору, на последних же осмеивает его и показывает, что Карпентер в философии — «круглый невежда». Николай Гаврилович требовал, чтобы его заметки были напечатаны в виде «предисловия переводчика». «При малейшем противоречии издателя этому моему требованию, — писал он, — рукопись перевода должна быть брошена в печь»³⁶. В остальном Чернышевский предоставил А. Н. Пыпину — своему двоюродному брату — полное право по его собственному усмотрению распоряжаться рукописями его переводов, но просил лишь о двух вещах: во-первых, на книгах Карпентера и Шрадера не выставлять его имени; во-вторых, сообщить издателю, что он (Чернышевский) не желает иметь авторских экземпляров. «Мне совестно и думать об этих моих работах, в особенности о второй работе над Шрадером, которую сделал я лишь по праву нищего...»³⁷.

В период политической реакции 80-х годов, когда правительство насаждало черносотенную и клерикальную культуру, Чернышевскому все же удалось выступить в печати с суровой критикой идеалистических философских систем Гегеля, И. Канта, О. Канта и их последователей. Его статьи «Характер человеческого знания», «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», «Предисловие к третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности», «Борьба пап с императорами», «Очерки научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории» и другие явились замечательным вкладом в критику философского идеализма. В них великий мыслитель блестяще и оригинально отстоял и развил принципы воинствующего материализма своих предшественников — М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, А. И. Герцена. В статье «Характер человеческого знания» Чернышевский очень метко и оригинально высмеял рассуждения субъективных идеалистов Дж. Беркли, Д. Юма, И. Канта, отрицавших возможность познания мира и его закономерностей. В. И. Ленин высоко оценил Чернышевского философа-материалиста. «Чернышевский, — писал он, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до

³³ Там же, стр. 455.

³⁴ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследство. Т. III, стр. 573.

³⁵ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XV, стр. 450.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 455.

88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»³⁸.

В период астраханской ссылки Н. Г. Чернышевский перевел одиннадцать с половиной томов «Всеобщей истории» Г. Вебера. Мы еще далеко не полностью знаем, как много нового он внес при переводе этой истории, но и то, что уже выявлено в процессе многолетней исследовательской работы, показывает, что Чернышевский оставил глубокий след не только в русской, но и в мировой науке.

Великий русский ученый, внимательно следивший за периодической печатью и литературой России, видел, что за 20 лет, проведенных им в Сибири, в экономическом развитии страны произошли глубокие сдвиги, что деревенским устоям, в которые в продолжение всех этих лет так истово верила народническая интеллигенция, пришел конец. Он отлично понимал, что новая жизнь внесла в крестьянскую общину элементы неравенства и там уже почти не осталось былой «общности». Крестьянин — товарный производитель все более и более подчинялся «власти денег», и под ее воздействием он приспособлялся к новым общественным формам. Под влиянием капитала деревня связывалась крепкими узами с городом, крестьянское хозяйство — со всей экономикой страны, а в конечном счете со всем мировым хозяйством. Общинник-крестьянин преобразался: становился или мелким производителем с интересами мелкого буржуа, или пролетарием, лишенным земли и орудий производства. Чернышевский понимал, что в таких условиях толковать об общественном землевладении не стоит, так как вся выгода от него не на стороне трудящегося народа, а на стороне ростовщика, кулака и спекулянта. Он оставил все разговоры об общине и обратил свой пылливый ум на отыскание той революционной силы, которая могла бы осуществить дорогие ему социалистические идеалы. И думается, что если бы правительства Александра II и Александра III не изолировали Н. Г. Чернышевского от живой революционной среды, он рано или поздно пришел бы к пониманию роли пролетариата.

В 80-х годах Чернышевский не мог писать работ по политическим вопросам России. Постоянный полицейский надзор и персональная цензура не позволяли ему выступать в периодической печати по злободневным вопросам современности. И все же опытный конспиратор сумел преодолеть все «рогатки и препоны» и донести свою политическую программу до передовой русской интеллигенции. В 1888 г. он с большим творческим жаром принялся за подготовку книги «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». В письме к А. Н. Пылину от 2 декабря Чернышевский писал: «Работа над ней заняла у меня уже много времени. Займет еще больше. У меня образовалась маленькая канцелярия: с утра до ночи сидят и переписывают письма и бумаги Добролюбова и его родных и друзей два молодых человека; часто помогает им третий»³⁹.

Чернышевский привлек к этой работе свою супругу, сына Михаила, сестер и братьев Н. А. Добролюбова, В. Г. Короленко, писательницу Марко Вовчок и ее сына Богдана, брата А. Н. Пылина, писательницу А. Я. Панаеву, своих переписчиков К. М. Федорова, А. М. Попова и М. П. Краснова. Собирався привлечь ближайших институтских друзей Добролюбова — И. И. Бордюгова и М. И. Шемановского. Уже в июле 1889 г. книга была подготовлена к печати, но вышла она в 1890 г., уже после смерти Н. Г. Чернышевского. Это — замечательное произведение. В нем Чернышевский заново отвечал революционной молодежи 80-х годов на ее вопрос: «Что делать?» Это — своеобразное завещание передовым людям России, трудящимся, которым предстояло уничтожить самодержавие. В книге собраны документы, прекрасно отображавшие первую революционную ситуацию в России. В ней повествуется о том, как молодое поколение разночинной интеллигенции 50—60-х годов появляется на общественном поприще, поднимая в русской литературе и общественной жизни знамя революционной борьбы, выступая войной против старого мира и старых идей, за создание нового мира. Книга учила революционную молодежь искусству организации и конспирации, укрепляла в ней веру в неотвратимость русской революции. Недаром этот свой труд Чернышевский считал «делом своей жизни». В письме к издателю К. Т. Соядатенкову он говорил: «Русская публика будет признательна Вам за это издание»⁴⁰.

Николай Гаврилович работал очень много, особенно в последние три года.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 18, стр. 384.

³⁹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XV, стр. 763.

⁴⁰ Там же, стр. 832.

Вставал он в 7 часов утра. За завтраком читал корректуру или просматривал корреспонденцию. С 8 часов и до часу дня диктовал переписчикам переводы. В час дня обедал. Небольшой перерыв после обеда он использовал для чтения русских и зарубежных газет и журналов. А вечером допоздна снова переводил. Праздники не соблюдались. На полях немецкого оригинала «Всеобщей истории» Г. Вебера помечены дни работы, среди них воскресные дни — 14, 21 и 28 марта, 16 и 23 мая, а также Вознесение 3 мая 1885 года.

Ежедневно Николай Гаврилович предпринимал небольшие прогулки. «Во время прогулок он заходил иногда к мастерам, рабочим, знакомясь с их бытом, с положением труда, с его доходностью. Знакомство с ними он заводил, пользуясь каждым удобным случаем»⁴¹. «При встречах с людьми,— пишет провизор Г. А. Ларин,— он на одну секунду всматривался в человека, после чего вступал в разговор. Разговоры его для собеседника всегда были настолько интересны и поучительны, что хотелось слушать его без конца. Во время беседы Николай Гаврилович откидывал волосы назад, глаза его загорались особенным блеском, слова он произносил немного шепеляво, и, казалось, у него их такой запас, что он мог говорить очень долго. Влияние Николая Гавриловича на людей было очень велико»⁴².

В Астрахань к Чернышевскому приезжали литераторы, журналисты, ученые: Л. Ф. Пантелеев, А. Н. Пыпин, В. М. Лавров, Б. А. Маркович, В. Г. Короленко, А. В. Захарьин, Н. Ф. Хованский, Н. В. Рейнгардт, артисты М. И. Писарев, Г. М. Ковров и многие другие. Иногда у Чернышевского по субботам собирался небольшой кружок знакомых. Собравшиеся считали для себя большим удовольствием послушать Николая Гавриловича. Рассказывал он всегда с оттенком юмора, с необычайной яркостью, живостью и интересом. Много говорил об известных русских писателях и публицистах, а иногда занимал слушателей историческими анекдотами. Из русских писателей он более всего любил Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Н. А. Добролюбова, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, М. Л. Михайлова, Марко Вовчок, талант которой считал очень сильным, а из иностранных — Диккенса, из произведений которого часто цитировал на память сцены.

Переписчик Чернышевского М. П. Краснов рассказывает о таком случае: «Однажды, отдыхая после обеда, мы незаметно разговорились о поэзии. От стихотворения «Кубок» Жуковского перешли на «Пана Тадеуша» Мицкевича, из которого Николай Гаврилович прочел по-польски на память заключительный отрывок. От Мицкевича перешли к Некрасову. Стихотворение последнего «Тяжелый крест» он назвал лучшим лирическим произведением на русском языке. Затем Николай Гаврилович предложил прослушать «Рыцарь на час». Его слетка растянутое, ритмическое чтение, с логическими ударениями, произвело на меня громадное впечатление, и, заслушавшись, я не заметил, что чем далее, тем звонче становился голос Николая Гавриловича. Он уже как бы пережил «восхождение на колокольню» и оборвавшимся, надтреснутым голосом начал заключительный стих — принесение повинной перед памятью матери. Вдруг Николай Гаврилович не выдержал и разрыдался, продолжая, однако, читать стихотворение. Я не в силах был остановить его, ибо и сам сидел потрясенный. Эту тяжелую сцену прервала Ольга Сократовна возгласом: «Тебе это вредно». — «Не буду, голубочка, не буду», — ответил Николай Гаврилович, и мы уселись через некоторое время за работу»⁴³. По свидетельству М. А. Антоновича, Чернышевский с особенным наслаждением декламировал любимые им стихотворения наших классических поэтов, а также немецкие и французские демократические песенки⁴⁴. Но о своих произведениях говорить не любил. Никогда не вспоминал о перенесенных им мучениях, и если его кто спрашивал об этом, он утверждал, что никаких особенных страданий он не испытывал, или менял тему разговора. Н. Г. Чернышевский не сомневался, что среди небольшого числа его посетителей имеются филеры полиции. Так оно и было в действительности. Например, некий Михельсон, приходивший по субботам к Н. Г. Чернышевскому играть

⁴¹ «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Т. II. Саратов. 1959, стр. 286.

⁴² Там же, стр. 277.

⁴³ «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Т. II, стр. 287.

⁴⁴ «Памяти Николая Гавриловича Чернышевского». Доклады и речи Н. Ф. Анненского, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Посникова и М. И. Гуган-Барановского. СПб. 1910, стр. 19.

в шахматы, был шпион. Вот что свидетельствует на этот счет один из документов того времени: «Его превосходительству, г. астраханскому губернатору, от астраханского полицеймейстера... Во исполнение предписания от 5 июня за № 185, честь имею донести вашему превосходительству, что, по соглашению с начальником Астраханского ГЖУ, для наблюдения за государственным преступником Чернышевским и лицами, находящимися под негласным надзором полиции в г. Астрахани, назначен состоящий в штате губернского правления и командированный в мое распоряжение надворный советник Михельсон. Полицеймейстер Инковский. 9 июня 1885 г. № 358»⁴⁵. Обращает на себя внимание, что все дома, в которых квартировал Николай Гаврилович, были угловые. Это облегчало агентам наблюдение за Чернышевским и его посетителями.

Петропавловская крепость, гражданская казнь, каторга, ссылка в Сибирь, а затем в Астрахань, долголетнее одиночество, нравственные пытки и полуголодная жизнь подорвали здоровье Чернышевского. Только в 1887 г. департамент полиции прекратил за ним особое наблюдение⁴⁶. Но, несмотря на болезнь и падение сил, Чернышевский не склонился, не просил даже о переводе его в родной Саратов, о чем, без его ведома, усердно хлопотали родные. Первое прошение было подано сыном Михаилом на «высочайшее имя» в ноябре 1885 года. Он просил разрешить его отцу «жить в России, где ему будет нужно, не исключая и Петербурга, и дозволить ему заниматься литературным трудом»⁴⁷. Однако Чернышевский внушал страх самодержавному правительству, и оно сочло удовлетворение просьбы «преждевременным»⁴⁸. 29 марта 1889 г. Михаил Николаевич вновь обращается с прошением на имя министра внутренних дел о переводе отца «в родной город Саратов»⁴⁹. В прошении говорилось, что астраханский климат сказался отрицательно на здоровье Николая Гавриловича и Ольги Сократовны.

Министр, прежде чем удовлетворить просьбу, приказал «спросить астраханского губернатора об образе жизни и поведении Чернышевского»⁵⁰. Губернатором в Астрахани в это время был князь Л. Д. Вяземский, известный впоследствии своим вмешательством в действия полиции, разгонявшей демонстрацию 4 марта 1901 г. на Казанской площади в Петербурге, за что получил от царя выговор, был лишен звания члена Государственного совета и выслан за границу. В связи с этим имя Вяземского попало на страницы революционной прессы. Ленинская «Искра» 3 апреля 1901 г. писала: «Князь Вяземский на самом месте побоища мужественно протестовал против полицейских безобразий, за что удостоился высочайшего выговора. Пусть утешится князь Вяземский — перед судом истории и общественного мнения это царское обругание почетнее, чем все знаки царской милости, заработанные им на службе самодержавию»⁵¹. За год перед этим Вяземский проявил сочувствие к профессиональному революционеру, доктору медицинских наук Н. Н. Исполотову. Он обращался к начальнику департамента полиции С. Э. Зволянскому с просьбой облегчить участь Исполотова.

Видимо, Вяземский сочувствовал Чернышевскому. Он неоднократно бывал у него. Иногда Николай Гаврилович и Ольга Сократовна навещали семью Вяземских. На запрос министра от 3 мая 1889 г. Вяземский дал ответ вполне благоприятный. Он писал: «Нахожу Чернышевского безопасным в политическом отношении, ввиду очевидного падения или притупления его умственных способностей»⁵². Отзыв губернатора обрадовал царя и министра, и они признали теперь прошение сына Чернышевского «заслуживающим удовлетворения»⁵³. Последовали необходимые указания астраханским чиновникам. 14 июня 1889 г. Вяземский распорядился отправить Чернышевского в Саратов, а чтобы переезд не имел вида «препровождения арестованного», было решено отправить его не с жандармским унтер-офицером, а с полицейским чиновником. 24 июня 1889 г. Н. Г. Чернышевский с открытым листом № 102 выехал из Астрахани на постоянное жительство в Саратов, а дело о нем было переслано саратовскому полицеймейстеру.

⁴⁵ ГААО. Канцелярия губернатора, д. 5/116, л. 87.

⁴⁶ Там же, лл. 89—91.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ДП, д-во 5, ф. 102, д. 3892, лл. 51—73.

⁴⁸ Там же, л. 74.

⁴⁹ Там же, лл. 78—79.

⁵⁰ Там же, л. 78.

⁵¹ См. Н. Г. Чернышевский. Литературное наследство. Т. III. М. 1930, стр. 698.

⁵² ГААО. Канцелярия губернатора, д. 5/116, л. 93.

⁵³ Там же, л. 97.

В родной город Чернышевский возвратился с большими творческими замыслами. Последние годы его жизни полны неутомимым стремлением оказывать активное воздействие на политическую и научную жизнь России. В 1888 г. он обдумывал план переделки Энциклопедического словаря Брокгауза с тем, чтобы изложить в нем свои политические и научные идеи. «Солдатенков,— говорил Чернышевский своей супруге,— без сомнения примет на себя издержки... Это было бы дело, которое доставило бы ему в десять раз больше благодарности русской публики, чем все прежние его издания, взятые вместе... В моей переделке словарь Брокгауза стал бы таков, что следующие... издания немецкого подлинника были бы переделываемы по моему русскому изданию. Имя Солдатенкова стало бы громким во всемирной литературе, потому что французские и английские... энциклопедии составляются по «Словарю Брокгауза»⁶⁴. Плану Чернышевского не суждено было осуществиться.

Неудача не останавливает его. У него родился новый план: через журнал «Русская мысль» влиять на политические события страны в революционном духе. А. А. Токарский, один из самых близких знакомых Чернышевского, много и часто беседовавший с ним в Саратове, утверждал, что это была «его главная мечта». «Эта мысль его настолько интересовала,— вспоминал Токарский,— что он постоянно к ней возвращался (и всегда с глубокой уверенностью оканчивал утверждением, что он создаст из «Русской мысли» журнал). Как-то сидя в углу дивана, Николай Гаврилович рассказывал своим эпически спокойным тоном что-то о Григоровиче, но вдруг прервал рассказ, встал и, ходя крупными шагами по комнате, сказал: «Я вам говорил как-то, что предполагал эмигрировать и взять в руки издание «Колокола» и что я не знаю, хорошо ли я сделал, что отказался. Теперь я знаю. Я сделал хорошо, я здесь в России создам журнал. Я создам его». И тут только я понял страшную, невыносимую муку этого человека, ту муку, которую он выносил от того, что был оторван от возможности влиять на жизнь своим словом и убеждением»⁶⁵.

«Русская мысль» была таким журналом, из которого можно было сделать, по выражению Чернышевского, «честный журнал». В нем сотрудничали Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. П. Короленко, А. П. Чехов, Н. В. Шелгунов, Н. К. Михайловский и другие писатели, публицисты и ученые прогрессивного направления. Чернышевский решил привлечь к работе в журнале бывшего сотрудника «Современника» М. А. Антоновича. В одном из писем к нему Чернышевский нарисовал стройную программу действий для подчинения своему влиянию издателя журнала В. М. Лаврова и главного редактора В. А. Гольцева⁶⁶.

Развивая план превращения «Русской мысли» в «честный журнал», Чернышевский говорил Токарскому: «Первое время я буду писать очень мало и под чужим именем. Я официально не войду в редакцию. Я не буду писать по текущим вопросам. Знаете, к себе нужно приучить». Иногда в разговоре у него вырывались фразы, что во второй раз труднее начинать литературу, чем в первый, что за всяким словом будет следить цензура. «Ну, да не такая была прежде цензура, а удавалось обходить»,— прибавлял он успокоительно»⁶⁷. Таковы были замыслы Чернышевского в последние годы жизни.

Несмотря на болезнь, Чернышевский деятельно трудился: продолжал переводить Вебера, читал корректуру «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова», писал статьи. В течение шести последних лет жизни Чернышевским написано 900 печатных листов, то есть по 150 печатных листов ежегодно. Это настоящий трудовой подвиг ученого.

В августе 1889 г. с Чернышевским случился первый сильный приступ лихорадки, а в сентябре — второй. В октябре болезнь быстро прогрессировала. В ночь на 17 октября Николай Гаврилович Чернышевский скончался.

Похороны Чернышевского вылились во всеобщую скорбь. Весть о смерти Чернышевского всколыхнула Россию. Отовсюду на имя Ольги Сократовны и редакции местных газет поступали телеграммы и письма с выражением соболезнования о горькой утрате. Это прогрессивная часть общества страны выражала свою любовь и уважение к великому ученому и борцу.

⁶⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XV, стр. 691.

⁶⁵ «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Т. II, стр. 342—343.

⁶⁶ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XV, стр. 744.

⁶⁷ «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», Т. II, стр. 343.